

Православие в истории и культуре кубанского казачества

В системе ценностей кубанского казачества исследователи-казаковеды первое место справедливо отводят православной вере. Помимо основного своего мировоззренческого значения, Православие пронизывало многие стороны жизни казачьего войска, станичной общины, семьи [1].

Сегодня история Православия кубанских казаков стала возвращаться из забвения. Появляются статьи по отдельным станицам, основанные на полевом и архивном материале [2], первые работы обобщающего характера [3], публикации документов [4].

Однако специфика региона с казачьим, крестьянским, горским населением еще мало осознается как священством на всех уровнях, так и современными казачьими организациями. Между тем на необходимость изучения локально-исторических трансформаций христианских традиций постоянно указывают историки, архивисты, этнографы, исследователи культуры старообрядчества и др.

В Московском государстве на рубеже XV–XVI столетий ходили слухи, что среди горского населения Западного Кавказа - черкесов - обитают православные христиане со славянской речью. Как появились и как уживались среди иноверцев русские люди?

Одни историки видят в кубанских славянах остатки населения древнерусского Тмутараканского княжества, которые имели давние традиции сотрудничества с местными народами.

Другие ученые считают, что с установлением монголо-татарского ига кубанские племена и жители русских княжеств вольно или невольно оказались союзниками.

Соппротивление захватчикам никогда не прекращалось. Одной из форм этого сопротивления стало бегство из ханского плена на Кубань, в зону лесистых предгорий и труднодоступных ущелий.

Среди этих беглецов могли быть выходцы из Рязанского, Черниговского, Смоленского и других княжеств. Проведя долгие годы в ордынском плену, эти беглецы сберегали последнюю память о Руси — православные нательные кресты. Такие кресты археологи находили при раскопках в станице Махошевской (Мостовской район), на хуторе Ильич (Отраденский район), в долине рек Большой и Малый Зеленчук [5].

С местными горцами у беглецов складывались, по-видимому, не только добрососедские, но и брачно-семейные отношения.

Может быть, поэтому в источниках XV–XVI вв. понятия «черкесы» («черкасы») и «казаки» иногда взаимозаменяют друг друга.

В XVII столетии к кубанскому Приазовью стали проявлять интерес донские и запорожские казаки. Не случайно турецкий разведчик и ученый Эвлия Челеби, дважды посетивший край в середине XVII в., с озабоченностью описывал морские и сухопутные походы в Прикубанье вольных обитателей Днепра и Дона. По свидетельству Челеби, донские и запорожские казаки хорошо ориентировались в здешних местах и имели проводников из числа славянских обитателей Кубани [6].

В XVII в. Северный Кавказ становится одним из центров русского старообрядчества. К концу века начинается строительство первых старообрядческих церквей и на Кубани.

С приходом в край черноморских и линейных казаков свет христианства в крае возгорелся с новой силой. Дело защиты и освоения Кубанского края нуждалось в духовном окормлении.

Однако поспешность, с которой формировалось духовное сословие в Черноморском войске и в линейных казачьих полках, приводила к тому, что в священники и дьяконы часто посвящались казаки, не имевшие духовного опыта. Немного имелось образованных людей. Наряду с истинными подвижниками и ревнителями веры среди выборного духовенства встречались пастыри, не отличавшиеся высокими нравственными качествами.

Нередко казаки выбирали в священники людей с подобными недостатками, с расчетом, что их остепенит духовный сан. Так было, например, с одним из первых черноморских священников отцом Юрием. До принятия священнического сана это был грамотный и умный казак, однако любил кутежи и выпивку. Поэтому куренная община решила обратить казака-забияку в священники, чтобы он остепенился.

Черноморцы не ошиблись в расчете. При исполнении религиозных обязанностей отец Юрий получил репутацию строгого, богобоязненного и нравственного человека, хотя в веселой компании казаков смиренного из себя не изображал. Если он замечал во время службы в церкви, что кто-то разговаривает, улыбается или стоит в неподобающей позе, то не стеснялся в выражениях, кем бы ни был провинившийся: паном, рядовым казаком или шустрой дивчиной. Бывали случаи, когда по грозному приказанию отца Юрия церковный сторож выводил смеющуюся барышню и привязывал ее веревкой к колокольне, приговаривая: «А не скаль зубов, не дразни сатану!»

В то же время среди священнослужителей было немало тех, кто пользовался любовью казаков и умел врачевать душевные недуги и переживания добрым словом, сердечным отношением и бескорыстной помощью. В линейных станицах православное духовенство было поначалу малочисленным из-за большого количества староверов. Священников здесь не выбирали, а назначали военным начальством в каждую станицу.

Своих священников имели не только станичные приходы, но и конные полки, пластунские батальоны и артиллерийские батареи. В укреплениях Черноморской береговой линии духовными наставниками были иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря.

Один из них, иеромонах Маркел, благословил на бессмертный подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова. Полковые и батальонные священники должны были не только совершать церковные службы и требы, но и обучать воинов церковной истории, Закону Божию и основным молитвам. Священники следили за поведением казаков во время

богослужения, исповедовали и причащали, устанавливали обязательное пение хором всеми нижними чинами молитв.

Полковой священник требовал соблюдения всех постов, боролся со сквернословием, старался не допускать пьянства. Понимая, какие тяготы и лишения терпят нижние чины на военной службе, священник всячески пытался облегчить их участь. Он нередко выступал связующим звеном между воинским подразделением и станицей.

Зачастую именно батюшка отсылал весточку родным о том или ином герое, он же читал неграмотным долгожданное письмо из дома. Случалось, что полковой священник, подняв крест, верхом на коне увлекал казаков в атаку под ливнем вражьих пуль и картечи.

Заселение Черномории, Старой и Новой линий, Закубанья, Черноморского побережья сопровождалось храмовым строительством. Храм освящал станичное, сельское, хуторское пространство, разделяя его на центр и периферию. Святой, именем которого нарекался храм, считался покровителем станицы или поселка. Ежегодно устраивались престольные праздники в его честь, на которые приглашали гостей и из соседних станиц и горских аулов. Строили церковь всем миром, да «таку, якої нидэ нима».

В рассказах станичных старожиллов станичная церковь — самое яркое впечатление детства. В каждом населенном пункте Кубани были глубоко убеждены, что подобных храмов больше нигде нет. В начале XX столетия в Кубанской области насчитывалось 363 храма, каждый четвертый из них был каменным или кирпичным.

Случалось, что храмы использовались не только по прямому назначению. В случае нападения горцев на станицу храмы становились укрытием для женщин, стариков и детей. Церковь никогда не стояла вне интересов станичного или хуторского общества.

Это находило отражение в характерных для края обычаях. Так, после объявления войны двери станичного храма не затворялись. В них непрерывно читались молитвы, велись службы.

Атеистическая политика, активно проводившаяся в 20–30-е и 50–60-е гг. XX в., привела к полному или частичному разрушению храмов на Кубани, их разграблению и осквернению.

В народном сознании разрушение храма воспринималось как конец мира, временный уход Христа и приход Антихриста.

Свои просветительские и благотворительные традиции имели на Кубани монастыри. Здесь сыновья жителей близлежащих селений, а также дети духовенства обучались грамоте, пению и разным ремеслам.

Пустынь была и школой для лиц, желающих поступить в духовное звание. В обители учились церковной службе, чтению на клиросе. Многие кубанцы вменяли себе в обязанность раз в два-три года совершить паломничество в монастырь. Люди спешили сюда, потому что были убеждены в особой силе молитвы, произнесенной в святых местах.

В монастырях хранились чудотворные иконы или частицы мощей святых угодников Божьих. Так, предметом особого почитания паломников в Михаило-Афонской пустыни были частицы Животворящего древа Господня, частицы нетленных мощей святых великомучеников Пантелеймона, Георгия Победоносца и Харлампия. Причем мощи святого великомученика Георгия Победоносца, почитаемого местными горцами, привлекали в Успенский храм обители даже мусульман ближайших поселений. Монастыри играли и важную хозяйственную роль в развитии края.

В обителях развивалось виноградарство, скотоводство, хлебопашество, рыболовство, сыроварение. Славились монастыри Кубани иконописными школами, рукоделием: художественным шитьем золотом и бисером, кружевоплетением, прядением и вязанием, ковроделием.

Исторические документы рисуют противоречивую картину религиозной картины в кубанских станицах. В докладной записке священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению от 13 мая 1852 г. так сообщалось о состоянии религиозности у населения Черномории: «В понятиях религиозных черноморцы недалеки. По характеру своему

черноморец набожен, усерден к религии, но набожность его еще довольно груба. Если поставил Богу свечу, отправил молебен всем святым, то он уже и себя считает святым. Надобно еще много трудиться пастырям Церкви, чтобы просветить их нравственные понятия. Это можно сказать вообще о всех поселенцах Черномории» [7].

И далее: «Черноморец ленив ходить в церковь на молитву; он любит соблюдать праздник, но это празднество его состоит в прекращении работ хозяйственных, и только; ему более присуща мысль, что грех работать в праздник, нежели то, что еще грешнее проводить праздник в пустословии вместо молитвы» [8].

В другом свидетельстве этого времени отмечалось, что жители станицы Петровской «знают о происхождении религии от Иисуса Христа. Некоторые знают о Вселенских Соборах. Многие понимают и знают значение Вечерни, Утрени и Литургии. Прекрасно и со вниманием читают молитвы не только пожилые, но и малолетки, как, например: Царю Небесный, Отче наш, Верую и Помилуй мя, Боже, и прочие» [9].

Народная вера не воспроизводила буквальные догматы Православия, во многом по-своему воспринимала сущность христианского учения. Это проявлялось в пересказах житий святых, в народных молитвах, в вещих снах и видениях, в толковании сюжетов Священной истории и легенд о чудесах и праведниках. Православное мировоззрение проявлялось у кубанцев в хождении со святынями в крестных ходах. Они воспринимались как могучее средство очищения, освящения земли и людей, источников и жилищ. Глубоко в народной вере ощущалось понятие греха и осознание необходимости покаяния. Любовное, заботливое отношение к храму и его святыням всегда присутствовало у казаков. Разрушительное воздействие на народную духовность казачества в послереволюционные десятилетия было направлено на полное искоренение религиозных традиций. Но вера народа в его святыни продолжала существовать, уходила внутрь души и сердца, помогая выжить нравственно. Не имея возможности противостоять

запрещению и разрушению видимых религиозных символов и святынь, кубанцы втайне оставались со своими личными ценностями: нательными крестами, домашними иконами, духовными стихами, представлениями о благочестии.

Состояние веры у городского и сельского населения Кубани и Черноморья проступало и в повседневных занятиях, во многих чертах домашней обстановки. Желая сделать свой дом местом святым, защищенным от воздействия злых сил, возведение жилища начинали со святого угла.

Сюда ставили лампаду, здесь же стоял «угольник» — угловой столик треугольной формы. Иконы покрывались специально вышитыми полотенцами или занавесками. Перед образами в доме молились, иконами благословляли при важных жизненных обстоятельствах. Невесту часто благословляли образом Богородицы, жениха — образом Спасителя или Николая Угодника. Старшие в семье, почетные гости, а также жених и невеста во время свадьбы сидели в святом углу.

Провожая казака на службу, вновь снимали икону из святого угла. Держа ее в руках, родители напутствовали сына служить честно, «не позорить казачий род», защищать родную землю и вернуться домой живым и невредимым [10].

Непременным явлением повседневной жизни были домашние молитвы. Обязательным было чтение молитв утром, вечером и перед едой. Помимо молитв «Верую», «Пресвятая Троица», «Царю Небесный» могли быть и обращения к Богу по-своему: «Дай мне, Господи, хорошего сна, упокой меня сном, чтобы я отдохнула, а еще прошу Тебя, Господи, встану с утра, что начну я работать, помоги мне, Господи, и дай мне, Господи, здоровья».

Молитву перед едой произносил старший в семье, как правило, отец или дедушка. Чаще всего читали «Отче наш», но могли и просто произнести «Святой Господи, благослови». После еды говорили: «Спаси, Христос» или «Спасибо Богу, Матери Божией, усим святым, за хлеб, за силу, за дар Божий». В течение дня во время домашних работ просили у Бога помощи и

благословения. Например, при выгоне коровы на выпас ее крестили со словами: «Крестом крестю, крестом ограждаю, крестом врага отгоняю». Призывали Бога при выходе со двора, стараясь оградить себя от всяких случайностей: «Господи, я в путь иду, Тебя с собой зову. Ангел, вылетай, дорожку мне очищай, а Мать Божия меня спасай». Перед пахотой обязательно произносили: «Господи, благослови начать работу» [11].

При вселении в дом вначале вносили в святой угол икону и стол, чтобы «нечисть не заводилась». Важнейшим проявлением домашнего благочестия служили посты, представлявшие особый смысл и единство духовным и телесным потребностям. «Невидимая брань» укрепляла веру, помогала справиться с превратностями жизни.

Православному населению Кубани вера отцов говорила о бессмертии души, о ее бесконечной жизни у Бога. Вера предупреждала о Страшном суде Господнем и о новых муках, которые ожидают людей. Однако всей своей полнотой Православие возвещало не смерть, но воскресение из мертвых. Символ веры заканчивается словами: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Кубанцы верили, что выше солнца и звезд есть другое Небо, на котором обитает Бог вместе со святыми ангелами и душами умерших праведников. Некоторым праведникам перед кончиной это Царствие Небесное открывается во всей красе. Вера учила казака, солдата Черноморской береговой линии, офицера не бояться смерти на войне, уповать на промысел Божий. Кто боялся Бога, тот не боялся неприятеля. Человек, всецело преданный промыслу Божию, терпеливо переносил лишения и испытания, смело и спокойно шел навстречу опасности. Усвоение христианских заповедей: возлюбить ближнего своего как самого себя и положить душу свою за други своя — было способно поднять кубанских казаков на недостижимую степень нравственной высоты.

Когда в 1809 г. четырехтысячное ополчение горцев перешло по льду Кубань около Ольгинского кордона, полковник Тиховский и 200 казаков с

пушкой могли спокойно отсидеться в укреплении, отбивая атаки превосходящего противника.

Однако казаки не стали безучастными зрителями расправы черкесов над ближайшими селениями. Они вышли из укрепления и вступили в неравный бой со всей массой вражеской конницы и пехоты. В беспощадной яростной сече тиховцы полегли, совершив подвиг не только телесный, но и духовный...

Когда турки стали бить и мучить православных христиан на Балканском полуострове, утопив в крови восстания болгар и сербов против жестокого османского ига, кубанцы обнаружили готовность с оружием в руках защитить единоверцев. Казак станицы Васюринской Иван Видный писал в своем прошении: «Имею ревностное желание стать в ряды защитников христианского народа против ненавистных нам турок и наглости и жестокости тиранства башибузуков».

Около 35 жителей Кубанской области (казаки, крестьяне, мещане, офицеры) сумели добраться в 1876 г. до далекой Сербии и вступили в маленькую добровольческую армию генерала Черняева [12], у которой не было никаких шансов устоять против превосходящих сил турок...

Все это и многое другое говорит о том, что православная вера — основа глубинных традиций казачества Кубани. Она была и остается великим достоянием народа, а не поверхностным явлением, навязанным якобы извне.

Примечания

1. Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества. Ч. 1. XIX — начало XX в. // Из культурного наследия славянского населения Кубани / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 1997. С. 4.
2. Погорелов Н.Н. Храм станицы Ирклиевской // Православие, традиционная культура, просвещение/Науч.ред.,сост.Н.И.Бондарь,М.В.Семенцов. Краснодар, 2000. С. 38–41; Пономарев В.П. Из истории Покровского храма станицы Абинской // Там же. С. 41–44; Рыбко С.Н. Некоторые страницы истории ст. Эриванской и ее храма во имя Святого благоверного князя Александра Невского // Освоение Кубани казачеством:

- Вопросы истории и культуры/Науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. С.146–156;
- Павлоградская Л.Д. Степная ласточка // Кубанский сборник. Т. II (23) / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. С.319–356; Её же. Храмы встанице Уманской //Родная Кубань. 2008. №2(42). С. 11–28; Бабич А.В. О наводнении в станице Бакинской Псекупского полка Кубанской области в 1866 году и о пожертвовании императрицей Марией Александровной иконы Двенадцати великих праздников жителям станицы в 1868 году // «И Божья благодать сошла...»: Романовы и Северный Кавказ: Материалы IV Международных дворянских чтений / Под ред. О.В. Матвеева, Е.М. Сухачевой. Краснодар, 2008; История православной общины и Михаило-Архангельского храма станицы Крыловской в документах и воспоминаниях / Сост. В.В. Тер, Е.В. Тер. Ст. Ленинградская (Уманская), 2010. 52 с.; Соловьев И.А. Станица Воровсколеская: от форпоста до сельской глубинки. Ставрополь, 2010. С. 192–204; Матвеев О.В. Из истории православных приходов станицы Дядьковской (1828–1918 гг.) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. С. 54–75 и др.
3. Кузнецова И.А. Некоторые аспекты повседневной жизни приходского и станичного священника Кубанской области (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2008. С. 179–189; Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. 304 с.
4. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.): Сборник документов (К 2000-летию христианства). Краснодар, 2001. 728 с; Священно-и церковнослужители и члены их семей Черноморского казачьего войска по материалам 7-й ревизии (январь 1816 г.) / Публ. А.В. Бабича, С.В. Самовтора // Кубанский сборник. Т. II (23) / Под ред. О.В.Матвеева. Краснодар, 2007. С. 357–401.
5. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 69.
6. Там же. С. 72.
7. Православная Церковь на Кубани... С. 220.
8. Там же. С. 221.
9. Цит. по: Бондарь Н.И. Указ. соч. С. 8.
10. Дело мира и любви... С. 281.
11. Кузнецова И.А. Традиции домашнего богослужения православных жителей кубанских станиц (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. С. 316–317.
12. Матвеев О.В. Кубанские добровольцы сербо-турецкой войны 1876 г. // Славянский

мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 36.

Источник: Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения: Материалы Первой Межрегиональной научно-практической конференции в г. Москва, 16-17 августа 2011 г. Под общей редакцией Преосвященного Кирилла, епископа Ставропольского и Невинномысского, председателя синодального комитета русской православной Церкви по взаимодействию с казачеством. — Ставрополь: Графа, 2011.